

DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-3-125-159

Научная статья / Research paper

Е.Ю. Сергеев*

**БРИТАНСКИЙ ВАРИАНТ ДОКТРИНЫ МОНРО
VERSUS «КОММУНИСТИЧЕСКИЙ МИЛИТАРИЗМ»:
КОЛЛИЗИИ ОТНОШЕНИЙ СССР
И СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА
В СТРАНАХ ВОСТОКА (СЕРЕДИНА 1920-Х ГОДОВ)****

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт всеобщей истории Российской академии наук»
119334, Москва, ленинский проспект, 32А*

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Российский государственный гуманитарный университет»
125993, Москва, Миусская пл., 6*

Объявление в декабре 1823 г. американским президентом Дж. Монро новой концепции внешней политики страны в Западном полушарии стало знаковым событием не только в истории США, но также в теории и практике международных отношений в целом. Для Великобритании принципы доктрины Монро приобрели новую актуальность и злободневность после завершения Первой мировой войны. Тогда предметом особого беспокойства для правящих кругов Соединенного Королевства стала перспектива неконтролируемой большевистской экспансии в британские колонии и зависимые территории в Азии и Африке. Именно для противодействия этой угрозе военные и политические элиты Великобритании обратились к опыту своих заокеанских коллег и разработали комплекс мер, которые можно

* *Сергеев Евгений Юрьевич* — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета и Государственного академического университета гуманитарных наук (e-mail: eugene.sergeev59@gmail.com; ORCID: 0000-0001-7834-5824).

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00011 «Трансферы колониального порядка: модели внутренней безопасности после Великой войны» (<http://rscf.ru/project/22-18-00011>).

обозначить как британскую версию доктрины Монро. Своим острием эти меры были направлены против попыток большевиков опереться на национально-освободительное движение в целях его революционизирования и использования для подрыва «колониального тыла» империалистических держав. Этот внешнеполитический курс Москвы, в котором британские правящие круги усматривали также попытку большевиков вернуться к практикам Российской империи, в свою очередь стали обозначать с помощью концепции «коммунистического милитаризма». Именно с точки зрения столкновения британской версии доктрины Монро и концепции «коммунистического милитаризма» в данном исследовании проанализированы перипетии противостояния Великобритании и Советского Союза в Центральной Азии в середине 1920-х годов. Особое внимание уделено борьбе, развернувшейся между двумя странами в Иране (Персии), Афганистане, северо-западной Индии, Синьцзяне и Тибете. Эта борьба за влияние на местных правителей принимала самые разные формы: от информационно-пропагандистских кампаний до соперничества в сфере инфраструктурно-логистических проектов. При этом она сопровождалась и постоянным столкновением интересов различных группировок внутри СССР и Великобритании, что препятствовало проведению ими по-настоящему последовательной политики в регионе. Так или иначе, в совокупности указанные обстоятельства придавали советско-британскому соперничеству в Центральной Азии в 1920-е годы ярко выраженную специфику, которая не позволяет трактовать его как очередной виток Большой игры.

Ключевые слова: СССР, Великобритания, советско-британские отношения, Большая игра, Коминтерн, национально-освободительное движение, колониализм, империализм, деколонизация, доктрина Монро

Для цитирования: Сергеев Е.Ю. Британский вариант доктрины Монро versus «коммунистический милитаризм»: коллизии отношений СССР и Соединенного Королевства в странах Востока (середина 1920-х годов) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 3. С. 125–159. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-3-125-159.

Evgeny Yu. Sergeev

**BRITISH EDITION OF THE MONROE DOCTRINE
VERSUS 'COMMUNIST MILITARISM':
COLLISIONS BETWEEN THE USSR AND THE UK
IN EASTERN COUNTRIES IN THE MID-1920S**

Institute of World History, Russian Academy of Sciences

32A Leninskii prospect, Moscow, 119334

Russian State University for the Humanities

6 Miusskaya sq., Moscow, 125993

The new US foreign policy concept in the Western hemisphere introduced by the American President J. Monroe in December 1823 has become a milestone both in the country's history and in the theory and practice of international relations in general. For Great Britain, the principles of the Monroe Doctrine acquired new relevance after the end of the First World War. The prospect of unfettered Bolshevik expansion into British colonies and dependent territories in Asia and Africa became a matter of particular concern for the UK ruling circles. It was this threat that forced the military and political elites of Great Britain to turn to the experience of their overseas counterparts and develop a set of measures that can be described as the British edition of the Monroe Doctrine. These measures were directed right against the Bolsheviks' attempts to revolutionize the national liberation movement and to use it to undermine the 'colonial rear' of the imperialist powers. British decision-makers interpreted these attempts as a Bolsheviks' endeavor to revive the foreign policy practices of the Russian Empire and denoted them as 'communist militarism'. It is through the lens of the collision of the British edition of the Monroe Doctrine and the concept of 'communist militarism' that this study examines the dynamics of the Soviet-British confrontation in Central Asia in the mid-1920s. Special attention is paid to the struggle that took place between the two countries in Iran (Persia), Afghanistan, northwest India, Xinjiang and Tibet. This competition for influence over local rulers took a variety of forms: from information and propaganda campaigns to rivalry in the field of infrastructure and logistics projects. At the same time, it was accompanied by a constant clash of interests of various factions within the USSR and Great Britain, which prevented them from pursuing a coherent policy in the region. Together, these circumstances endowed the Soviet-British rivalry in Central Asia in the 1920s with a number of unique features that does not allow it to be interpreted as just yet another round of the 'Great Game'.

Keywords: USSR, Great Britain, Soviet-British relations, Great Game, Comintern, national liberation movement, colonialism, imperialism, decolonization, Monroe Doctrine

About the author: *Evgeny Yu. Sergeev* — Doctor of Sciences (History), Chief Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Professor, Russian State University for the Humanities and the State Academic University for the Humanities (e-mail: eugene.sergeev59@gmail.com; ORCID: 0000-0001-7834-5824).

Acknowledgements: The research has been accomplished with a financial support from the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00011 (<http://rscf.ru/project/22-18-00011>).

For citation: Sergeev E.Yu. 2023. British edition of the Monroe Doctrine versus 'communist militarism': Collisions between the USSR and the UK in Eastern countries in the mid-1920s. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 3, pp. 125–159. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-3-125-159. (In Russ.)

Трансформация советского и британского подходов к внешней политике в середине 1920-х годов

Двухсотлетняя годовщина декларации принципов внешней политики США, провозглашенных 2 декабря 1823 г. президентом Дж. Монро в послании членам Конгресса, больше известной как доктрина Монро, предоставляет историку-международнику повод снова поставить вопрос о значимости концептуальных воззрений на практику реализации идей «сфер влияния» и «баланса интересов» в политике великих держав XX–XXI вв. Как известно, первоначально эта концепция имела прогрессивный характер, выступив средством защиты Западного полушария от европейского колониализма. Однако к концу XIX в. на смену охранительным настроениям пришли вполне экспансионистские мотивы, которые позволяли обосновать имперские интересы США в регионах мира.

Цель статьи заключается в компаративном рассмотрении британской версии доктрины Монро и большевистской концепции «коммунистического милитаризма» в странах Востока как региона традиционного геополитического соперничества СССР/России и Великобритании в Новое и Новейшее время. Автор поставил перед собой задачу впервые в историографии проанализировать воздействие британского прочтения доктрины Монро и большевистского понимания «коммунистического милитаризма» на отношения Лондона и Москвы в середине 1920-х годов. Именно тогда, с одной стороны, идеи мировой революции в сознании кремлевского руководства

постепенно уступали место пониманию первостепенной значимости обеспечения национальных интересов Страны Советов в условиях империалистического окружения, а с другой — британский внешнеполитический истеблишмент занимался поиском наиболее эффективных методов адаптации империи к реалиям Версальско-Вашингтонского миропорядка.

Несмотря на то что в работах отечественных и зарубежных историков встречаются упоминания о «новой доктрине Монро» для Британской империи и «коммунистическом милитаризме» как стратегии нанесения решающего удара СССР по «колониальному тылу империалистических держав» [Warth, 1983: 121–135; Watt, 1965: 139–158; Hillmer, 1981; Clayton, 1986: 32–33; Howe, 1993: 44–52; Overy, 1998: 24–25; Neilson, 2006: 52–53; Сагимбаев, 2018: 124–125; Магадеев, 2021: 611–618], специальные исследования указанной проблемы отсутствуют. Даже в увидевших свет за последние годы обобщающих трудах российских историков по внешней политике обоих государств она вообще не рассматривается [Остапенко, Прокопов, 2012: 140–141; Капитонова, Романова, 2016: 341–342; Айрапетов, 2020: 128–135]. Это обстоятельство наряду с компаративным использованием малоизвестных или ранее недоступных материалов из фондов российских и британских архивов¹, а также опубликованных сборников дипломатической корреспонденции и обзоров специальных служб определяют новизну статьи, актуальность которой в связи с возрастанием международной напряженности и повышением значимости государств Среднего Востока на фоне современных глобальных политических процессов не может вызывать сомнений. Выбор автором указанного региона обусловлен еще и тем обстоятельством, что сюжеты противостояния

¹ Корпус неопубликованных источников, использованных автором, составили документы секретариата Г.В. Чичерина (Ф. 4 и 04), референтуры Великобритании (Ф. 69) Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) (Ф. 62) Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), а также материалы Национальных архивов Соединенного Королевства (The National Archives of the United Kingdom, TNA), отложившиеся в фондах Кабинета министров (Cabinet Papers, CAB), Министерства иностранных дел (Foreign Office Papers, FO), Военного ведомства (War Office Papers, WO), Казначейства (Treasury Papers, T) и Министерства по делам Индии (India Office Records, IOR), официальные бумаги которого сосредоточены в Отделе изучения стран Азии и Африки Британской библиотеки (British Library: Asian and African Studies, BLAAS).

СССР и Великобритании на собственно китайском направлении в период революционного движения 1925–1927 гг., получившие гораздо большее освещение в историографии, требуют отдельного всестороннего рассмотрения.

Имперский вариант доктрины Монро для Великобритании

Говоря о внешнеполитической повестке Соединенного Королевства, отметим, что к середине послевоенного десятилетия для значительной части его властной элиты вырисовывалась необходимость сочетания традиционных методов «жесткой» силы с новыми практиками «мягкого» воздействия. Этим обуславливалось стремление членов консервативного Кабинета С. Болдуина (1924–1929) воздерживаться от использования войск для подавления национальных движений в азиатских странах либо делать это только в самых крайних случаях, как это происходило на территории Британской Индии (Раджа) или иностранных концессий в Китае.

Одновременно у английских политиков росло понимание необходимости перехода к поддержке национальных движений умеренного типа, например Всеиндийской мусульманской лиги во главе с М. Али Джинной. Свидетельством постепенного осознания эффективности привлечения к сотрудничеству противников насильственных действий среди руководства Индийского национального конгресса (ИНК) стала работа комиссии известного либерального деятеля Дж. Саймона — впоследствии министра иностранных дел. Как известно, он вместе с группой парламентариев на протяжении 1928 г. проводил обследование политического положения в регионах Индии, стремясь подготовить конституционную реформу управления доминионом [Вертинский, 1986; Жирова, 2018: 101].

Признавая необходимость федерализации империи как основы британского глобального лидерства, многие видные тори высказывали различные точки зрения в публичных выступлениях и на страницах «Журнала круглого стола» («The Round Table Journal») — главного периодического издания, отражавшего взгляды правоконсервативных кругов. К числу последовательных охранителей имперских устоев в составе Кабинета С. Болдуина относились канцлер Казначейства У. Черчилль, министр колоний Л. Эмери, министр по делам Индии Ф. Смит, более известный как лорд Биркинхед, а также глава Министерства авиации С. Хор.

Все они выступали с идеей концептуализации практических мер защиты британских интересов, которые, по мнению автора, следует назвать своеобразной «новой доктриной Монро» для британских владений на Ближнем и Среднем Востоке. Как теоретическое построение она предусматривала бескомпромиссное отстаивание имперских рубежей путем сочетания методов, как бы мы сейчас сказали, «жесткой» и «мягкой» силы, а также фиксации статус-кво через договоренности с азиатскими суверенами или наиболее влиятельными политическими лидерами. В качестве ключевого элемента этой концепции с точки зрения ее практической значимости британцы рассматривали активное применение Королевских ВВС и даже оружия массового поражения (отравляющих газов) как гаранта устрашения мятежных племен на фоне интенсивной деятельности эмиссаров Коминтерна². «Нам скорее следовало бы пожать дружеские руки, протянутые доминионами, чем обогреть кровью руки банды негодяев-космополитов, которые диктуют политику Москвы», — заявил один из консервативных парламентариев 5 августа 1925 г., вызвав протест внимательно отслеживавшего подобные выступления наркома иностранных дел Г.В. Чичерина³.

Вполне понятно, что в представлениях крайне правых сил, получивших название «твердолобые» (*die-hards*), Советский Союз на протяжении 1920-х годов выступал главной угрозой имперским позициям, опорным пунктом которых был Индостан. Как заявил лорд Биркинхед с трибуны парламента в июне 1926 г.: «Советское правительство стремится окружить Индию кольцом большевистских государств»⁴.

Помимо Комитета имперской обороны (КИО; Committee of Imperial Defence, CID) — основного правительственного консультативного органа по стратегическим вопросам, возникшего сразу после окончания англо-бурской войны 1899–1902 гг., важнейшую роль в формулировании британского варианта доктрины Монро сыграли участники Межведомственного совещания по беспорядкам на Вос-

² The situation in Iraq: Memorandum by the secretary of state for the colonies, 11 May 1925 // The National Archives. CAB 24/173/37. P. 1–6. Available at: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7738310> (accessed: 30.09.2023).

³ Чичерин — Богомолу, 15 августа 1925 г. // АВП РФ. Ф. 069. Оп. 9. Пап. 20. Д. 1. Л. 16.

⁴ Цит. по: Hughes M. British foreign secretaries in an uncertain world, 1919–1939. London: Routledge, 2006. P. 75.

токе (МСБВ; Interdepartmental Conference on Eastern Unrest, ICEU). Начало его работы относится к февралю 1922 г. Главная задача этого органа, включившего представителей силовых, дипломатических и региональных ведомств, прежде всего Министерства по делам Индии, состояла в мониторинге деятельности, оценке угрозы и подготовке рекомендаций для противодействия националистическим организациям различной идеологической ориентации. Для исключения неизбежного дублирования и в целях финансовой экономии МСБВ по решению КИО от 25 марта 1926 г. вошло в его состав на правах подкомитета. Любопытно, что корпус документов, на основе которых привлеченные подкомитетом эксперты составляли обзоры и меморандумы, состоял из источников четырех категорий по степени надежности: АА — сведения, перехваченные МИИ-6, А — донесения самых проверенных агентов, В — сообщения информаторов, сотрудничавших с разведкой в течение 3 лет, и С — данные, полученные случайным образом [Fisher, 2000: 17].

В течение 1926 г. члены МСБВ провели пять пленарных заседаний и за первое полугодие 1927 г. — такое же количество. Внимание их участников привлекали прежде всего два региона: Афганистан и Северо-Западная пограничная провинция (СЗПП) Британской Индии, а также центральные и восточные районы Китая, охваченного революционным движением. В связи с локальными восстаниями племен и временным ослаблением власти центральных правительств эксперты МСБВ по рекомендациям Кабинета анализировали также ситуацию в Турции, Иране, Ираке и арабских государствах Ближнего Востока⁵. Отметим, что с этим органом активно взаимодействовали разведывательные службы не только сухопутных, морских и воздушных сил, но и соответствующие полицейские департаменты МВД Великобритании и Министерства по делам Индии [Fisher, 2000: 18]. Однако продолжительные споры представителей различных ведомств и постоянные трения между государственными органами по вопросам финансирования их деятельности вызвали недовольство главы Форин офис О. Чемберлена: в июне 1927 г. он инициировал создание вместо МСБВ подкомитета КИО по обороне Индии, который продолжал свою деятельность вплоть до начала Второй мировой войны [Orde, 1978: 178–183; Fisher, 2000: 29].

⁵Memorandum by ICEU 'Turco-Russian policy in the Middle East and in Arabia', 23 June 1927 // BLAAS. IOR. L/P&J/12/155.

Не менее острыми дебатами были отмечены заседания различных исследовательских центров главных оппонентов тори — представителей Рабочей партии, которые поддерживали существование Британской империи, так как она, по их мнению, гарантировала сохранение всеобщего мира, не допуская геополитического вакуума. Еще в программе 1918 г. лейбористы заявили о желательности предоставить колониям ту степень самоуправления, которую они способны осуществлять. По мере прогрессивного развития зависимой территории рамки самоуправления должны были расширяться до того момента, когда она могла стать равноправным членом проектируемой Британской конфедерации [Судейкин, 1976: 69–71; Thorpe, 2008].

Выступая за реформирование колониального статус-кво, часть лейбористских лидеров, например А. Гендерсон, Х. Далтон и У. Ситрин, основываясь на заключениях экспертов Консультативного комитета по международным вопросам (Labour's Advisory Committee on International Questions), предлагали трансформировать империю в Содружество, включавшее три уровня: метрополия — белые доминионы — азиатские, африканские и карибские колонии [Thomas, 1924; Hillmer, 1981; Sylvest, 2008; Shepherd, 2008].

Им оппонировали Дж. Лэнсбери, А. Понсонби и Ч. Бакстон, принадлежавшие к левому крылу лейбористов. Изучая опыт Советского Союза, они сформулировали концепцию преобразования империи в социалистическое содружество равноправных наций через последовательные реформы, которые требовалось осуществить правительству метрополии. При этом социализм понимался идеологами Рабочей партии именно в его фабианском истолковании, которое означало эволюционное развитие демократических основ государственной жизни без ограничения либеральных свобод путем создания институтов общественного самоуправления. Такая перестройка подразумевала не только политические трансформации, но и хозяйственные изменения с введением элементов государственного регулирования экономики, в том числе ежегодного планирования, хотя ее базисом оставались рыночные отношения. С точки зрения авторов этих проектов, во главе будущей конфедерации должен был находиться Совет Содружества, который созывал бы регулярные конференции с участием представителей всех народов, объединенных общим государственным языком, христианской религией

и демократическими нормами жизни. В будущем планируемая конфедерация, по мнению некоторых лейбористских идеологов, могла стать зародышем Всемирной лиги народов [Судейкин, 1976: 73].

По воспоминаниям члена второго лейбористского правительства Дж.Р. Макдональда, находившегося у власти с июня 1929 по август 1931 г., главным фактором иллюзорности этой амбициозной программы стал мировой экономической кризис начала 1930-х годов, хотя, как представляется автору, очевидная разнородность британских владений вкупе с нарастанием международной напряженности и активизацией национальных движений вряд ли позволили бы лейбористам реализовать изложенные проекты [Howe, 1993: 44–52].

Постепенно в ходе этих дебатов выкристаллизовались базовые компоненты британского варианта доктрины Монро. С точки зрения стратегии ключевыми принципами ее нового прочтения выступали: дальнейшее сближение метрополии и доминионов на федеративной основе с использованием в политическом плане имперских вооруженных сил, а в экономическом — тарифной автономии; противодействие любому вмешательству геополитических конкурентов — других европейских держав, США и Японии во внутривнутриполитические процессы на территории, находившейся в зонах интересов Великобритании; защита сухопутных и особенно морских коммуникаций, соединявших административные и хозяйственные центры обширной империи; а главное — недопущение распространения коммунистической пропаганды среди колониальных и зависимых народов через привлечение на свою сторону умеренных лидеров и групп в националистических движениях. Если говорить об Азии, то наибольшее значение для Лондона в стратегическом плане имели северо-западный Ирак с нефтяными месторождениями Мосула [Spreator, 1959: 82], Персидский залив как важнейшая транспортная артерия, Северный Афганистан, через который проходили сухопутные пути в Индию, а также южный Синьцзян (Кашгария) и Тибет, прилегающие к Индостану [Jeffery, 1982].

«Коммунистический милитаризм» в понимании кремлевских стратегов

Практически одновременно процесс переосмысления внешней политики активно проходил и в Советском Союзе. Именно в середине 1920-х годов специалисты политических ведомств — Ревво-

енсовета, Наркоматов по иностранным и военным делам, Разведывательного управления (РУ) Главного Штаба Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) и Иностранного отдела (ИНО) Объединенного государственного политического управления (ОГПУ), а также Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ) — выдвинули доктрину опоры на левые силы в национально-освободительных движениях, которые при военно-политической и финансовой поддержке со стороны СССР должны были свергнуть господство капиталистических метрополий над «колониальной периферией» в регионах Азии и Африки. Указанные планы Москвы получили у западных политиков и дипломатов обобщенное наименование концепции «коммунистического милитаризма». Фактически она означала использование стремления народов Азии и Африки к самоопределению для ослабления «колониального тыла» империалистических держав, прежде всего Британской империи. В отношении мусульманских народов Среднего Востока доктрина «коммунистического милитаризма» также предусматривала соединение большевизма с идеей джихадизма, т.е. воинствующего движения против светского государства, основанного на ценностях либеральной демократии Запада⁶ [Ashley, 1925: 633; Toynbee, 1928: 239–241].

Наиболее активными адептами и проводниками концепции «коммунистического милитаризма» выступали сторонники Л.Д. Троцкого и Г.Е. Зиновьева в партийных структурах, эмиссары Коминтерна, а также немалое количество сотрудников спецслужб военного и гражданского назначения⁷. Впрочем, эта точка зрения

⁶ Amery L. My political life. Vol. 3. London: Hutchinson, 1953. P. 140–141; Chamberlain A. The permanent bases of British foreign policy // Foreign Affairs. 01.07.1931. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-kingdom/1931-07-01/permanent-bases-british-foreign-policy> (accessed: 30.09.2023).

⁷ Краткий ориентировочный доклад Разведуправления Штаба РККА председателю РВС СССР М.В. Фрунзе о международной обстановке, о возможности вооруженного выступления против СССР. 28 апреля 1925 г. // Глазами разведки. СССР и Европа. 1919–1938 годы: Сборник документов из российских архивов / Сост. М. Уль, В. Хаустов, В. Захаров. М.: Историческая литература, 2015. С. 179–185; Специальное сообщение ИНО ОГПУ о политике Англии и Китая с приложением записки Ф.Э. Дзержинского В.Л. Герсону о необходимости доложить И.В. Сталину, 24 января 1926 г. // Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 — декабрь

до определенной степени получила поддержку и у И.В. Сталина, который еще в 1925 г. заявил японскому журналисту о том, что «революционизация тыла» колониальных империалистов могла бы не только послужить его подрыву, но и «придать мощный импульс» усилению антикапиталистической борьбы пролетариата западных стран [Карур, 1966: 77]⁸.

Свою задачу активисты международного коммунистического движения видели в создании благоприятных условий для комбинированного удара по империализму силами пролетариата метрополии и большевизированных националистов в странах Востока. По мнению приверженцев «коммунистического милитаризма» в советском руководстве, хотя Британская империя пребывала на грани распада, ее целью оставалось сначала разгромить своего нового глобального соперника — США, а затем обрушиться на СССР [Гус, 1926: 25, 27]. Приводя в качестве примера многочисленные публикации в англо-индийской прессе о «красной опасности», многие советские военные эксперты вплоть до середины 1930-х годов называли вероятные маршруты британского наступления на СССР через Афганистан, несмотря на природно-географические препятствия, сложную этноконфессиональную ситуацию и значительные финансовые затраты [Маздур, 1933: 37–39, 45–46, 55–72].

Документы Уайтхолла свидетельствуют, что вслед за окончанием Первой мировой войны и Гражданской войны в России экспансия большевизма в страны Востока именно в форме «коммунистического милитаризма» стала рассматриваться властной элитой Британской империи как наибольшая угроза ее существованию [Южный, 1928]. Аналогично соперничеству России и Соединенного Королевства в период Большой игры XIX — начала XX в., хотя и в иной международной обстановке, ключевая роль в этом контексте отводилась государствам Среднего Востока, которые стремились избавиться от полуколониального статуса в процессе обретения международной правоспособности.

1936 / Под ред. А.Н. Яковлева. М.: МФД, 2003. С. 111–113; Воззвание ИККИ в связи с бомбардировкой Нанкина (27 марта 1927 г.) // Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции (на примере Китая): Сборник документов / Под ред. П. Мифа. М.: Издательство Института МХ и МП, 1994. С. 150–152.

⁸ Сталин И.В. Сочинения. Т. 7: 1925 год. М.: Политиздат, 1947. С. 235–236.

Столкновение советских и британских интересов в Иране (Персии)

Событийная ткань 1925–1926 гг. позволяет на конкретных примерах рассмотреть особенности противоборства британского варианта доктрины Монро и концепции «коммунистического милитаризма». Начнем с ситуации в Иране как важнейшей стране, за влияние на которую борьба между Россией и Великобританией проходила в течение десятилетий. Новый раунд их соперничества определился в результате свержения династии Каджаров и утверждения режима Реза-шаха Пехлеви к концу 1925 г., хотя еще за полгода до провозглашения его сувереном британский посланник в Тегеране П. Лорейн ошибочно характеризовал положение Ирана как стабильное. В новых условиях он считал совершенствование государственного управления и экономический прогресс лучшими «лекарствами от коммунистической инфекции», сопроводив, однако, свой обзор дежурным заявлением о «красной угрозе Персии»⁹. Комментируя это заявление, напомним читателю, что речь шла о неудавшейся попытке Москвы, используя сепаратистские движения, добиться в начале 1920-х годов создания на северных границах Ирана и Афганистана государственных образований советского типа вроде так называемой Гилянской республики¹⁰ [Сергеев, 2019: 328–370].

Неудача заставила Народный комиссариат иностранных дел (НКИД) перейти к фактической реанимации традиционной геополитической линии российской дипломатии. Неслучайно британские представители в азиатских странах отмечали, что действия Советской России очень напоминают политику царской империи на Востоке, а распад Австро-Венгрии и ослабление Германии «облегчают выполнение агрессивных замыслов русских»¹¹. Аналогичным образом ведущие иранские газеты пришли к следующему заключению:

⁹ Lorraine to A. Chamberlain, 16 June 1925 // TNA. FO 800/258/165. F. 265–266.

¹⁰ См. подробнее: Meeting of the Cabinet to be held at 10, Downing Street, S.W.I. on Wednesday, May 20th, 1925, at 11:30 a.m. // The National Archives. CAB 23/50/6. Available at: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7653296> (accessed: 30.09.2023).

¹¹ Sir R. Lindsay (Constantinople) to Mr. A. Chamberlain (Received October 26): No. 785 [E 6527/175/44], Constantinople, October 16, 1925 // Documents on the British foreign policy, 1919–1939. Series 1A. Vol. I: The aftermath of Locarno, 1925–1926 / Ed. by W.N. Medlicott, D. Dakin, M.E. Lambert. London: Her Majesty's Stationery Office, 1966. P. 760–762.

«В основе своей политики Россия совершенно не изменилась, и теперешние правители Севера [т.е. большевики. — *Е.С.*] продолжают, в сущности, ту же политику, что проводили и Извольский, и Сазонов [министры иностранных дел царской России. — *Е.С.*]. <...> Они [большевики. — *Е.С.*] желают привлечь к себе народы Азии для того, чтобы проложить себе дорогу к Персидскому заливу, Оманскому [т.е. Аравийскому. — *Е.С.*] морю и Индии» [Володарский, 1985: 107–108].

Оказывая сильное политическое и экономическое давление на правительство шаха, Москва выступала за возвращение центральных, а главное — северных провинций Ирана в сферу своего влияния. Основной задачей советская дипломатия считала обеспечение доминирования на берегах южного Каспия, отказываясь на протяжении длительного времени эвакуировать воинский контингент РККА из персидского порта Энзели, где он находился еще с мая 1920 г.¹²

В то же время Форин офис выступал за консолидацию режима Реза-хана, предложив ему помимо щедрых финансовых субсидий помощь в реализации проектов развития дорожной сети, строительства линий связи, аэродромов и морских портов¹³. «Британская политика в Персии направлена на содействие персидскому правительству в отпоре посягательствам и несправедливому давлению Советской России, — отмечалось в меморандуме Форин офис от 10 апреля 1926 г., — однако без того, чтобы предоставить Персии военную помощь любого вида при достойной сожаления возможности столкновения с этим государством». И далее составитель меморандума заключал: «Правительство Его Величества желает видеть Персию сильной и независимой, способной стоять на своих ногах, составлять элемент стабильности на Среднем Востоке и закрыть России дорогу в Индию»¹⁴. По мнению упоминавшегося британского посланника в Тегеране П. Лорейна, британо-иранские отношения сталкивались

¹²Чичерин — Богомолу, 14 августа 1925 // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 4. Пап. 32. Д. 450. Л. 91–94.

¹³Наступление английского империализма на Афганистан и Персию (статьи, документы, материалы). Ташкент: Бюро прессы Среднего Востока при Среднеазиатском бюро ЦК ВКП(б), 1929. С. 10–22.

¹⁴Memorandum on the foreign policy of His Majesty's Government, with a list of British commitments in their relative order of importance [W 3260/1/50] // Documents on the British foreign policy, 1919–1939. Series 1A. Vol. I: The aftermath of Locarno,

с четырьмя проблемами: значительной суммой внешнего долга шахского правительства, сепаратистскими настроениями в отдельных регионах страны (например, в Хорасане)¹⁵, требованиями к правительству шаха признать Ирак британским протекторатом, а также изменить невыгодный для англичан таможенный тариф¹⁶.

Значимым символом политики «умиротворения» Ирана было призвано стать открытие в 1928 г. регулярной авиалинии Лондон–Каир–Тегеран–Карачи. Однако в реальности британцы продолжали оказывать на правительство шаха достаточно жесткое давление, чтобы контролировать торговое судоходство в Персидском заливе и нефтедобычу на промыслах Anglo-Persian Oil Company, акционерами которой являлись высокопоставленные лица в кабинетах Уайтхолла.

Ряд историков справедливо обращали внимание на угрозу позициям Великобритании в случае формирования у границ Индостана военно-политического блока в составе Турции, Персии и Афганистана под эгидой СССР¹⁷. Однако договоры между Анкарой, Тегераном и Кабулом о тесном сотрудничестве, заключенные в 1926–1928 гг., свидетельствовали главным образом о неприятии этими государствами как сохранения на их территории привилегированного статуса британских юридических и физических лиц, так и большевистской пропаганды [Володарский, 1985: 122–131].

Сочетая тактику давления на правительство шаха через введение эмбарго на весь персидский экспорт в СССР с выплатами крупных взяток иранским министрам (по оценке экспертов Форин офис, они составили более 40 тыс. ф. ст.)¹⁸, Москве удалось добиться

1925–1926 / Ed. by W.N. Medlicott, D. Dakin, M.E. Lambert. London: Her Majesty's Stationery Office, 1966. P. 861.

¹⁵ Meeting of the Cabinet to be held at 10, Downing Street, S.W.I. on Wednesday, May 20th, 1925, at 11:30 a.m. // The National Archives. CAB 23/50/6. Available at: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7653296> (accessed: 30.09.2023).

¹⁶ Sir. P. Loraine (Tehran) to Sir. A. Chamberlain (Received February 15, 8:30 p.m.): No. 58 Telegraphic [E 1116/644/34], Tehran, February 15, 1926, 11 a.m. // Documents on the British foreign policy, 1919–1939. Series 1A. Vol. I: The aftermath of Locarno, 1925–1926 / Ed. by W.N. Medlicott, D. Dakin, M.E. Lambert. London: Her Majesty's Stationery Office, 1966. P. 823.

¹⁷ Lorraine to India Office, 30 January 1926 // BLAAS. IOR L/PS/10/1038.

¹⁸ Sir. P. Loraine (Tehran) to Sir. A. Chamberlain (Received February 15, 8:30 p.m.): No. 58 Telegraphic [E 1116/644/34], Tehran, February 15, 1926, 11 a.m. // Documents on the British foreign policy, 1919–1939. Series 1A. Vol. I: The aftermath of Locarno, 1925–1926 /

подписания 1 октября 1927 г. нескольких договоров с Тегераном, включая пакт о нейтралитете, торговое соглашение и конвенцию о рыболовстве на Каспии¹⁹. Однако ценой восстановления советских экономических позиций, особенно на севере Ирана, стали отказ от поддержки местных коммунистов и прекращение большевистской пропаганды в стране²⁰.

Таким образом, в отличие от традиционных форм соперничества России и Великобритании в Персии во времена Большой игры, к середине 1920-х годов обе державы столкнулись с новыми вызовами: попытками панисламистских кругов объединить народы Среднего Востока против как империализма, так и большевизма — с одной стороны, а с другой — сепаратистскими движениями в различных регионах Ирана, лидеры которых стремились получить признание и поддержку Москвы или Лондона.

Наше исследование показывает, что современники оценивали планы кремлевского руководства доминировать в ключевых провинциях шахского государства как возвращение к экспансионистской политике царской России, но уже в форме «коммунистического милитаризма». В то же время активизацию усилий Уайтхолла по осуществлению контроля над юго-восточными, приморскими областями Ирана с помощью ВМФ и особенно ВВС следует рассматривать как использование принципов доктрины Монро, учитывая также бескомпромиссную позицию британского правительства относительно сохранения влияния на арабские государства и народы.

Афганистан как основное поле противоборства СССР и Великобритании

Еще большее значение в контексте соперничества России/СССР и Великобритании на Среднем Востоке имел Афганистан — предмет их постоянной заботы на протяжении XIX–XX вв. Следует иметь в виду, что Москве необходимо было обеспечить безопасность границ трех республик, созданных в результате национально-госу-

Ed. by W.N. Medlicott, D. Dakin, M.E. Lambert. London: Her Majesty's Stationery Office, 1966. P. 804; Loraine to India Office, 30 January 1926 // BLAAS. IOR L/PS/10/1038.

¹⁹ P. Clive to A. Chamberlain, 21 October 1927 // Ibidem.

²⁰ Среднеазиатское бюро ВКП(б). Краткие политико-экономические сведения по Хорасанской провинции Персии, 1 сентября 1930 г. // РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2210. Л. 25–46.

дарственного размежевания Западного Туркестана в 1923–1924 гг.: Туркменской, Узбекской и Таджикской (с 1929 г.), положив конец рейдам басмачей при поддержке местных афганских властей на советскую территорию [Абдуллаев, 2009: 252–256]. В свою очередь для Лондона принципиально значимым являлось блокирование гипотетических путей вторжения частей РККА вместе с союзными племенными отрядами из большевистской Средней Азии в СЗПП Индии через горные проходы Афганистана²¹.

Как отмечал 4 февраля 1925 г. в очередном сообщении для вице-короля лорда Рединга (А. Айзекса) посланник в Кабуле Ф. Хамфрис, «текущая политика эмира [Амануллы-хана. — *Е.С.*] частично из-за нищеты, частично из-за желания произвести впечатление на членов своего правительства заключается в том, чтобы извлечь максимум материальных выгод из России в плане субсидий и вооружения, обещанных по договору, а также из торговой конвенции, которая сейчас обсуждается. Поэтому он [эмир. — *Е.С.*], хотя и намерен сохранить хорошие отношения с Великобританией, демонстрирует Советам теплую сердечность»²². Переходя далее к характеристике деятельности советского полпреда в Кабуле Л.Н. Старка, бывшего военного моряка, английский дипломат указывал, как и в случае с Ираном, на активное использование им финансовых выплат для поддержания престижа Москвы среди приближенных Амануллы. По мнению Ф. Хамфриса, британская миссия в Афганистане была вполне способна не допустить реализации планов большевиков по организации восстаний как в самой Индии, так и в зоне свободных племен на территории СЗПП. Однако главную опасность для имперских позиций Ф. Хамфрис видел в эвентуальном продвижении Советов к стратегически важным проходам через Гиндукуш, а также в возможном захвате североафганской провинции Герат, хотя всё-таки считал эти сценарии маловероятными. Впрочем, предлагаемые

²¹ Memorandum on the foreign policy of His Majesty's Government, with a list of British commitments in their relative order of importance [W 3260/1/50] // Documents on the British foreign policy, 1919–1939. Series 1A. Vol. I: The aftermath of Locarno, 1925–1926 / Ed. by W.N. Medlicott, D. Dakin, M.E. Lambert. London: Her Majesty's Stationery Office, 1966. P. 866.

²² Humphrys to Lord Reading, 4 February 1925 // Afghanistan strategic intelligence. British Records 1919–1970. Vol. 1: 1919–1928: From independence to the civil war / Ed. by A.L.P. Burdett. Clippenham: Archive Editions, 2002. P. 679–682.

им средства решения проблемы являлись достаточно традиционными: дипломатическое давление на Москву в Европе, убеждение эмира в поддержке британцев против коварных замыслов русских и финансовые гранты его правительству за сохранение спокойствия на пограничной линии Дюранда между территориями Индии и Афганистана, установленной еще в конце XIX в.²³

Тем временем Аманулла намеревался «столкнуть лбами» соперничавшие стороны, чтобы получить от каждой из них как можно больше денежных субсидий, вооружения и технической помощи для формирования в стране современной инфраструктуры. По мнению лорда Биркинхеда, запросы эмира включали обучение афганских юношей в Великобритании, предоставление в дар крупных партий вооружения и оборудования для нескольких фабрик, а также строительство шоссе Кабул–Хайбер. С точки зрения лорда, перед британской дипломатией в Афганистане стояли две проблемы: нестабильность режима Амануллы, который был вынужден подавлять восстания горных племен, подстрекаемых традиционалистским духовенством, а также возрастающая угроза советского проникновения в страну. Последняя опасность, как полагали Биркинхед, лорд Рединг и Ф. Хамфрис, обуславливалась в немалой степени увеличением по просьбе эмира количества советских авиаторов в юго-восточных провинциях Афганистана и поставками военных самолетов для правительственных войск (Москва обещала Аманулле продать 12 аэропланов). Кроме того, обеспокоенность британских политиков вызывали проекты строительства на советские кредиты телеграфной линии Кабул–Кандагар с продлением до Герата и намерение Москвы учредить консульства в ряде административных центров на юго-востоке Афганистана — традиционной сфере влияния англичан²⁴. По

²³ Ibidem.

²⁴ Afghanistan: C.P. 286 (25), June 1925 // The National Archives. CAB 24/173/88. F. 831–838. Available at: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7738361> (accessed: 30.09.2023); Afghanistan: C.P. 517 (25), December 1925 // Ibid. CAB 24/176/16. F. 69–72. Available at: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7726761> (accessed: 30.09.2023); Afghanistan: C.P. 524 (25), December 1925 // Ibid. CAB 24/176/23. F. 110. Available at: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7726768> (accessed: 30.09.2023). О расширении советского присутствия в Афганистане через открытие новых консульских учреждений см.: Official Soviet summary of relations with Afghanistan for the year 1925 // The Soviet Union and the Middle East. A documentary record of Afghanistan, Iran and Turkey, 1917–1985 / Ed. by B. Dmytryshyn, F. Cox.

сообщениям Ф. Хамфриса, летом 1925 г. на афганской территории находился 81 большевистский эмиссар (согласно другим данным, около 70 человек), включая 29 летчиков-инструкторов, что в 10 раз превышало количество проживавших в столице британцев. Как свидетельствует дипломатическая переписка, процесс инфильтрации советского военно-технического персонала в вооруженные силы эмира вызвали наибольшие опасения у Лондона²⁵.

Между тем очередное антиправительственное выступление пуштунских племен численностью до 50 тыс. человек в пограничной с Индией провинции Пактия на рубеже 1924–1925 гг., известное как Хостский мятеж, было расценено некоторыми кремлевскими руководителями с подачи спецслужб как очередной британский заговор против Амануллы [Тихонов, 2008: 148–153]. Стремясь использовать ситуацию для организации интервенции под коммунистическими лозунгами, Г.Е. Зиновьев и его сторонники в ИККИ предложили заключить секретное соглашение с эмиром о формировании повстанческих отрядов в СЗПП для нападения на британские гарнизоны и лояльные им племена. Согласно аналитической записке разведывательного бюро англо-индийского правительства от 14 марта 1926 г. подрывная деятельность большевиков в Афганистане включала «заигрывание с группами национальных фанатиков», подготовку к засылке 240 агентов в Индию, Индокитай и Тибет, направление в Британский Радж партий оружия из шести секретных складов на территории Афганистана, наконец, оборудование нескольких радиостанций для связи с советскими представителями в Кабуле²⁶.

Инициатива Г.Е. Зиновьева в целом была отвергнута членами Политбюро ЦК ВКП(б), однако Кремль всё же решил перейти к формированию в Афганистане широкой сети резидентов и информаторов. Эта резолюция вызвала резкий протест Г.В. Чичерина, который, как уже отмечалось, занимал компромиссную позицию по вопросу

Princeton: The Kingston Press, 1987. P. 99–100; Документы внешней политики СССР. Т. 9 / Отв. ред. А.А. Громыко. М.: Политиздат, 1964. С. 632–633.

²⁵ Humphrys to the Government of India, 6 July, 7 October 1925 // Afghanistan strategic intelligence. British Records 1919–1970. Vol. 1: 1919–1928: From independence to the civil war / Ed. by A.L.P. Burdett. Clippenham: Archive Editions, 2002. P. 683–685.

²⁶ Note by V. Short, Director of India Government Intelligence Bureau, 14 March 1926 // Ibid. P. 693–695.

урегулирования советско-британских разногласий в странах Азии [Тихонов, 2008: 168].

События всеобщей забастовки мая 1926 г. на Британских островах только усилили алармизм сотрудников Форин офис, внимательно наблюдавших за продолжавшимся с осени 1925 г. советско-афганским пограничным конфликтом вокруг принадлежности острова Урта-Тагай — бывшего владения бухарского эмира длиной 50 км с населением около 1 тыс. человек на пограничной р. Пяндж (Аму-Дарье), откуда отряды басмачей совершали рейды на территорию СССР [Абдуллаев, 2009: 160–178]. В докладе Комитета начальников штабов британских вооруженных сил, посвященном оценке этого конфликта, политика Кремля опять-таки сравнивалась с внешнеполитическим курсом царской России на Востоке. Военные аналитики рассматривали два основных маршрута гипотетического вторжения РККА в Афганистан: один — из Кушки через Герат в направлении Кандагара, второй — из Термеза через Ташкурган и Мазари-Шариф в сторону Кабула, хотя и признавали высокую стоимость и немалую сложность противодействия возможной интервенции²⁷. Показательно, что, хотя в феврале 1926 г. советские пограничники покинули спорный Урта-Тагай, а учрежденная двусторонняя комиссия приступила к переговорам, лорд Биркинхед на очередном заседании Кабинета настоятельно рекомендовал Форин офис предупредить Москву, что «военная оккупация афганского Туркестана в целях его последующего присоединения к СССР в любых форме и виде будет рассматриваться как повод к войне (*casus belli*)»²⁸. Впрочем, еще одним кошмаром Форин офис и англо-индийской администрации в связи с афганской проблемой мог также стать государственный переворот, который, по мнению некоторых британских экспертов,

²⁷ Afghanistan (Previous paper: C.I.D. No. 142-D.): Report by the chiefs of staff, July 1926 // The National Archives. CAB 53/12/11. F. 283–284. Available at: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C14536934> (accessed: 30.09.2023). Дальнейшее рассмотрение планов организации обороны СЗПИ Индии можно найти в докладе экспертов Военного ведомства, см.: Appreciation of the situation in the event of a war with the USSR in Afghanistan, 17 December 1926 // The National Archives. WO 208/3. F. 127–135.

²⁸ Russia and Afghanistan: Memorandum by Commander Maxse for the Cabinet, 22 June 1926 // The National Archives. FO 800/259. F. 537–539. Available at: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C4267358> (accessed: 30.09.2023).

большевистская агентура была способна осуществить в Кабуле по примеру Бухарского эмирата, где ликвидация монархического режима была проведена 2 сентября 1920 г. [Абдуллаев, 2009: 160–178; Тихонов, 2022; Улунян, 2022]²⁹. Судя по дипломатической переписке некоторых высших должностных лиц Британской империи, любое нарушение Советской Россией целостности Афганистана рассматривалось Лондоном, прежде всего администрацией вице-короля, как удар по британскому престижу не только на Востоке, но и во всем мире³⁰.

Урегулирование конфликта вокруг Урта-Тагая 15 августа 1926 г. открыло возможность подписания спустя две недели Пагманского договора о нейтралитете и ненападении между СССР и Афганистаном сроком на 3 года. Это событие, как ни парадоксально, несколько разрядило напряженность в отношениях Москвы и Лондона по афганской проблеме, поскольку сняло озабоченность британской стороны по поводу вовлечения в локальный военный конфликт на индийских рубежах³¹.

Новый поворот внутривосточной борьбы в Афганистане, связанный с восстанием Бачаи Сакао, таджика по отцу и хазарейца по матери, бывшего военнотружущего армии эмира, окончательно похоронил в 1928–1929 гг. надежду лидеров Коминтерна вызвать революционный подъем на восточных рубежах Британской империи, приведя к отречению Амануллы и захвату власти очередным сувереном — героем третьей англо-афганской войны Надир-ханом [Абдуллаев, 2009: 386–420; Тихонов, 2007: 117–135].

Отметим в этой связи существенную роль, которую играло состояние СЗПП Индии для сохранения регионального баланса сил.

²⁹ Lieutenant-Colonel Keer, Chief Commissioner and Agent to the Governor-General in the North-West Frontier of India, to Lord Irwin, 12 July 1926 // *Afghanistan strategic intelligence. British Records 1919–1970. Vol. 1: 1919–1928: From independence to the civil war* / Ed. by A.L.P. Burdett. Clippenham: Archive Editions, 2002. P. 691–692.

³⁰ Lord Irwin to Lord Birkenhead, 7 October 1926 // *Afghanistan strategic intelligence. British Records 1919–1970. Vol. 1: 1919–1928: From independence to the civil war* / Ed. by A.L.P. Burdett. Clippenham: Archive Editions, 2002. P. 728–736.

³¹ The Pagman Treaty of Neutrality and Non-Aggression between the USSR and Afghanistan, 31 August 1926 // *The Soviet Union and the Middle East. A documentary record of Afghanistan, Iran and Turkey, 1917–1985* / Ed. by B. Dmytryshyn, F. Cox. Princeton: The Kingston Press, 1987. P. 101–106; *Official Soviet summary of relations with Afghanistan for the year 1926* // *Ibid.* P. 107–110; ДВП СССР. Т. 9. С. 406–410, 669–671.

Материалы пресс-бюро советского полпредства в Лондоне, которым руководил И.М. Майский, показывают, с каким вниманием НКВД относился к публикациям газет, муссировавших вопрос о «большевицкой угрозе» безопасности Британского Раджа со стороны Афганистана. К примеру, консервативная газета «The Morning Post» в июле 1926 г. дважды информировала своих читателей о военной активности русских в юго-восточных провинциальных центрах Джелалабаде и Кандагаре, где якобы началось строительство авиационных баз, с которых самолеты противника получали возможность в короткое время достигать зоны независимых племен — буферной территории между Афганистаном и британскими владениями³².

О планах некоторых кремлевских руководителей, например Г.Е. Зиновьева, добиваться согласования работы центров поддержки национально-освободительного движения в странах Среднего Востока с деятельностью тред-юнионов в метрополии были прекрасно осведомлены полицейские власти как в Лондоне, так и в Дели [Petrie, 1972: 80–82]. По данным индийских историков, на средства, выделенные Коминтерном в 1925–1928 гг., Компартия Великобритании, выполняя директивы ИККИ, ежегодно направляла в Индию до шести своих эмиссаров, чтобы координировать антиправительственные выступления [Samra, 1959: 114–115, 136]³³. В новых условиях эта деятельность также рассматривалась британским истеблишментом как продолжение геополитики царской России. Неслучайно, выступая 26 октября 1926 г. на очередной имперской конференции, лорд Биркинхед обратился к историческим параллелям, отметив интенсификацию попыток агентов Коминтерна и большевицких спецслужб проникнуть на территорию Индостана, синхронизировав их осуществление с провоцированием внутренних беспорядков [Smith, 1959: 535].

Подводя итоги столкновения британской версии доктрины Монро и «коммунистического милитаризма» на территории Афганистана, можно сделать вывод о значительном повышении ставок в геополитическом противостоянии Лондона и Москвы именно в этом регионе на протяжении 1920-х годов. По мнению Уайтхолла,

³² Английская пресса о «красной угрозе» Индии, июль 1926 г. // АВП РФ. Ф. 69. Оп. 15. Пап. 51. Д. 53. Л. 64–67.

³³ The Times. 3 May 1928.

любые антибританские выступления племен, особенно независимых пуштунов, проживавших на границе Афганистана и Индии, инспирированные коммунистическими агитаторами, снабженными деньгами и оружием, были способны не только привести к четвертой англо-афганской войне, но и послужить удобным предлогом для частей РККА совершить марш к северо-западным пределам Индостана, вызвав, согласно «эффекту домино», массовые восстания проживавших там народов.

Китайский Туркестан (Синьцзян) и Тибет — важнейшие регионы соперничества Москвы и Лондона

Важно подчеркнуть, что алармистские настроения членов консервативного правительства относительно ситуации в Афганистане объяснялись еще одной региональной угрозой — перспективой превращения Китайского (Восточного) Туркестана, известного как Синьцзян, в новую советскую республику, что могло способствовать распространению коммунистического влияния далее на Тибет³⁴.

Положение в этих регионах самым непосредственным образом влияло на национальные движения в Восточной и Южной Азии. Что касается Синьцзяна, то главной проблемой для Москвы к середине 1920-х годов стало сосредоточение там до 70 тыс. беженцев из Советской России, среди которых «непримиримые» противники большевиков составляли, по подсчетам специалистов, 15–20%. Именно они создавали воинские союзы бывших военнослужащих белых армий, образуя, согласно донесениям агентов ОГПУ, питательную среду для деятельности иностранных спецслужб и антибольшевистского подполья на территории СССР [Обухов, 2007: 142–143; Абдуллаев, 2009: 309–328; Наземцева, 2013: 98].

Со своей стороны Уайтхолл рассматривал Синьцзян как еще один важный стратегический регион на северо-западных подступах к имперским владениям. Как свидетельствуют данные разведки, чиновники колониальной администрации Индии стремились контролировать транспортные пути через Китайский Туркестан, пресекая транзит революционеров и партий оружия, который пытались осуществлять большевистские спецслужбы. Если в южной части

³⁴ Memorandum by Hoare for the Cabinet, 19 December 1932 // The National Archives. T 161/699.

Синьцзяна — Кашгарии британцам это в основном удавалось, то на севере региона — в Джунгарии, где активно действовали советские консульские представители, граница между СССР и Китаем долгое время оставалась «прозрачной» со стороны последнего [Numan, 1977: 75]³⁵. Между тем различные этнорелигиозные группировки, существовавшие на территории Синьцзяна, не оставляли попыток заручиться поддержкой советских или британских эмиссаров, периодически запрашивая у них финансовые средства и партии вооружения [Абдуллаев, 2009: 328–338].

При этом Москва и Лондон были в равной степени обеспокоены активизацией различных сепаратистских движений на территории Синьцзяна, цель которых состояла в отделении от Китайской Республики и провозглашении суверенного исламистского государства. Однако не в пример британцам некоторые советские руководители, включая И.В. Сталина, рассчитывали использовать сепаратистов для превращения Синьцзяна в опорный регион влияния СССР на страны Центральной и Восточной Азии, что полностью укладывалось в концепцию «коммунистического милитаризма» и поддерживалось И.В. Сталиным на протяжении второй половины 1920–1930-х годов [Абдуллаев, 2009: 328–338; Бармин, 1999: 82–140; Обухов, 2007: 208].

Появление осенью 1925 г. в Кашгаре нового генерального консула, бывшего латышского стрелка М.Ф. Думписа, которое совпало по времени с назначением на аналогичный пост британского представителя Дж. Джиллиана, знаменовало очередной раунд противоборства. Внимание Уайтхолла в тот период было отвлечено от Синьцзяна антизападным революционным движением в приморских регионах Китая, тем не менее заключение секретного соглашения между Москвой, гоминьдановским правительством в Кантоне (Гуаньчжоу) и некоторыми милитаристами левой политической ориентации вроде генерала Фэн Юйсяна вызвало серьезные опасения Кабинета, ведь речь могла идти о формировании государственного образования в составе Синьцзяна и пограничной с ним северо-западной провинции Ганьсу под советским протекторатом.

³⁵ Note by Short, officer of the India Government Intelligence Bureau, 14 March 1926 // Afghanistan strategic intelligence. British Records 1919–1970. Vol. 1: 1919–1928: From independence to the civil war / Ed. by A.L.P. Burdett. Clippenham: Archive Editions, 2002. P. 693–695.

Эскалация деятельности агентов Коминтерна и советских спецслужб в Синьцзяне достигла апогея во второй половине 1926 — начале 1927 г. Иллюстрациями могли служить празднование 1 мая в Кашгаре под красными флагами, а также стремление большевистских эмиссаров установить контакты с Далай-ламой XIII [Numan, 1977: 60]. Однако все попытки местных китайских властей заручиться поддержкой британских представителей в перевооружении территориальных сил, чтобы нейтрализовать влияние революционеров и сепаратистов, не приносили результата, пока контроль над национальным правительством не перешел в руки генерала Чан Кайши 12 апреля 1927 г. Только после этого начались аресты сторонников коммунистов, а вместе с ними и исламистских сепаратистов, особенно из числа уйгуров и дунган — автохтонных народов Китайского Туркестана. Отметим, что эти репрессии находили понимание у британских представителей на местах, хотя официальный Лондон предпочитал воздерживаться от комментариев [Numan, 1977: 68–69].

Противоречиво развивались и отношения большевистского руководства с Тибетом, претендовавшим в рассматриваемый хронологический отрезок на независимый статус, о котором его духовный лидер объявил еще в 1913 г., хотя Лига Наций его не признала. Впрочем, и в этом случае происходило столкновение различных точек зрения в кремлевских кабинетах. Если Г.В. Чичерин предлагал И.В. Сталину направить в Лхасу дипломатическую миссию, заключив с британцами новое соглашение о признании интересов друг друга, то, например, заведующий монголо-тибетским отделом ИККИ С.С. Борисов, побывавший в августе 1924 — мае 1926 г. на территории этого высокогорного региона, заявил в лекции студентам Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ): «Для нас противодействие английскому вторжению, закрепление нашего влияния разными путями в Тибете, конечно, стимулируется прежде всего тем моментом, что Тибет находится по соседству с Индией, что по существу он является заключительным звеном той нашей линии соприкосновения с Англией, которая начинается с Турции и кончается в Китае» [Андреев, 2006: 266–267].

18 декабря 1925 г. член коллегии НКВД С.И. Аралов представил в Политбюро ЦК ВКП(б) докладную записку с изложением необходимости установления советского контроля над теократическим

государством. Упомянув активную деятельность в Сиккиме (пограничном княжестве к югу от Лхасы) Ф. Бейли — британского дипломатического агента, С.И. Аралов подчеркнул: «Пока Англия не захватила важнейшие командные позиции в Тибете, необходимо противопоставить ее агрессии все наши реальные возможности» [Андреев, 2006: 281]. Неслучайно поэтому в 1926 г. Москва направила туда советско-монгольскую миссию А.Ч. Чапчаева — советника постпредства СССР в Монголии, бывшего председателя Центральной избирательной комиссии Калмыцкой автономной республики. Членам миссии после нескольких месяцев сопряженного с опасностями путешествия удалось достичь тибетской столицы, где они находились с мая по декабрь 1927 г. Однако главная цель экспедиции — установление дипломатических отношений между Тибетом и Монгольской Народной Республикой, за спиной которой стояла Москва, — достигнута не была. Причиной стало глубокое недоверие Далай-ламы к большевистским эмиссарам, которое было вызвано активно распространявшейся Ф. Бейли информацией о преследовании в СССР буддистов [Андреев, 2006: 291–294].

Практически в то же время другая, на этот раз неофициальная экспедиция под руководством известного художника и по совместительству буддолога Н.К. Рериха, имевшего на руках сразу три паспорта — советский, британский и французский, также попыталась достичь Лхасы. Характерно, что, готовясь к путешествию в Москве, Н.К. Рерих встречался не только с Г.В. Чичериным и его заместителем Л.М. Караханом, но и с руководителями ИККИ, а также с некоторыми должностными лицами ОГПУ, включая начальника ИНО Г.И. Бокия. В дневниковой записи от 5 апреля 1926 г. супруга художника Елена Рерих следующим образом определила цель экспедиции: «Если Союз Советов признает буддизм учением коммунизма, то наши общины могут подать деятельную помощь, и сотни миллионов буддистов, рассыпанных по миру, дадут необходимую мощь неожиданности»³⁶.

По сути, основная идея Н.К.Рериха — объединение исповедовавших буддизм народов Азии в Монголо-Сибирское государство — Священный союз Востока, согласно его терминологии, означала

³⁶ Рерих Е.И. Листы дневника. Т. 3: 1925–1927. М.: Руссанта, 2012. С. 124.

бы ликвидацию британского влияния во всей Центральной Азии. Поэтому Н.К. Рерих намеревался убедить Далай-ламу вступить в партнерские отношения с СССР, а члены экспедиции, по данным некоторых исследователей [Meyer, Brysac, 2001: 466–473], везли с собой партию оружия, предназначенного для национальной армии, в создании которой советские военные инструкторы были готовы оказать непосредственное содействие. Однако все попытки исследователя достичь Лхасы в конце 1927 — начале 1928 г. оказались неудачными из-за блокирования единственной дороги в столицу Тибета местными властями, обеспокоенными угрозой большевизации их страны, о перспективе которой не устал повторять Ф. Бейли в дворцовых покоях верховного правителя Тибета [Андреев, 2006: 300–308]. Итогом неудавшейся экспедиции стало разочарование Н.К. Рериха в возможности установления военно-политического союза между СССР и Тибетом на антиимпериалистической и прежде всего антибританской основе.

Что же касается Форин офис, то как в Синьцзяне, так и в Тибете он не выдвигал каких-либо заслуживающих внимания инициатив на протяжении рассматриваемого периода, предпочитая защищать имперские позиции в основном тремя способами: разоблачением планов Москвы наряду с предотвращением деятельности большевистских эмиссаров, стимулированием коммерческих отношений с англо-индийскими компаниями, включая поставки вооружения, а также предоставлением денежных субсидий местным правителям (наместникам). Кроме того, директивы из кабинетов Уайтхолла нередко корректировались инициативными шагами британских дипломатов и военных на местах, что, хотя и в гораздо меньшей степени, было также характерно для деятельности советских эмиссаров в странах Востока.

Вместо заключения

Завершая рассмотрение интересующего нас периода, попытаемся обобщить и проанализировать основные линии противостояния сторонников британского издания доктрины Монро и адептов «коммунистического милитаризма» в странах Востока.

Первой из них, безусловно, выступала борьба за влияние на местных правителей, начиная с персидского шаха или афганского

эмира и заканчивая локальными вождями и духовными лидерами. Средствами достижения цели обычно служили финансовые субсидии и поставки вооружения, а также откомандирование в регион военно-технического персонала, хотя при необходимости как Москва, так и Лондон не останавливались перед применением военной силы. Классическим примером служит Афганистан.

Вторым вектором конфронтации двух держав была разработка конкурировавших между собой проектов создания транспортной и коммуникационной инфраструктуры в регионах, практически лишенных линий связи, автомобильных и железных дорог, а также аэродромов. Обе стороны всемерно покровительствовали увеличению объемов экспортно-импортных операций, стремясь вытеснить иностранных конкурентов с местных рынков. В этом плане главными регионами противостояния Советского Союза и Великобритании являлись Иран, Афганистан и Синьцзян.

К третьей важной сфере противоборства Москвы и Лондона необходимо отнести информационную войну, которая заключалась не только в том, чтобы всячески разоблачать замыслы противника, но и в стремлении либо убедить народы Востока в преимуществах большевизма как идеологии, наиболее отвечающей их национальным чаяниям, либо, наоборот, обосновать единственно возможный сценарий эволюционного перехода к политическому суверенитету без каких-либо масштабных революционных потрясений в соответствии с британскими рекомендациями, как это происходило в Иране и Индии на протяжении межвоенного периода, что, конечно, вовсе не исключало отдельных всплесков вооруженной борьбы.

Наконец, следует признать, что соперничество политических группировок и личных амбиций в большевистском и британском руководстве, о чем свидетельствовали ожесточенная внутривнутрипартийная борьба в СССР и столкновение различных точек зрения как внутри консервативного британского истеблишмента, так и между тори и лейбористами, серьезно затрудняло последовательную разработку и реализацию концептуальных внешнеполитических установок в Азии на протяжении межвоенного периода. К аналогичным по характеру трудностям необходимо также отнести инициативные действия советских и особенно британских представителей на местах, вносящих дополнительные, но зачастую важные коррективы

в двусторонние отношения. Однако детальное раскрытие указанных сюжетов выходит за рамки статьи и заслуживает отдельного рассмотрения.

Вместе с тем, хотя противоборство «коммунистического милитаризма» и доктрины Монро в британском понимании могло вызвать у современников ассоциацию с «Большой игрой 2.0», его всё же, по мнению автора, следует рассматривать лишь как очередной этап развития отношений между Москвой и Лондоном, обусловленный прежде всего усилившейся непримиримостью сторон из-за идеологических мотивов и воздействия национальных движений в странах Востока. Важным новым фактором в этой связи также стало постепенное обретение действительной международной правоспособности самими азиатскими государствами — Ираном, Афганистаном и Китаем. Что же касается классической Большой игры как исторического феномена, то она завершилась в годы «дипломатической революции» 1902–1907 гг. Именно это событие привело к выходу Соединенного Королевства из «блестящей» изоляции и подключению России к сотрудничеству с западными демократиями [Сергеев, 2012: 289–299]. И хотя геополитическое соперничество двух держав возобновилось после окончания Первой мировой войны, его причины, формы и направления существенно отличались от эпохи движения Российской и Британской империй навстречу друг другу в «сердце» Евразии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллаев К.Н. От Синьцзяна до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX века. Душанбе: Ирфон, 2009.
2. Айрапетов О.Р. Внешняя политика Советской России и СССР в 1920–1939 годах и истоки Второй мировой войны. М.: Родина, 2020.
3. Андреев А.И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета; Издательство А. Терентьева «Нартанг», 2006.
4. Бармин В.А. Советский Союз и Синьцзян 1918–1941 гг. Региональный фактор во внешней политике Советского Союза. Барнаул: Издательство БГПУ, 1999.
5. Вертинский А.В. Комиссия Саймона и борьба в политических кругах Великобритании вокруг индийской конституционной реформы (1927–1930 гг.) // Из истории буржуазной дипломатии и межимпериалистических

противоречий в первой половине XX в. / Отв. ред. С.С. Григорцевич. Томск: Издательство Томского университета, 1986. С. 57–73.

6. Володарский М.И. Советы и их южные соседи Иран и Афганистан (1917–1933). Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd., 1985.

7. Гус М.С. Британский империализм и Восток. Харьков: Украинский рабочий, 1926.

8. Жирова Н.С. Сотрудничество индийской партии «Гадар» с Коминтерном (1922–1943): Дисс. ... канд. ист. наук. Липецк, 2018.

9. Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании. М.: Международные отношения, 2016.

10. Магадеев И.Э. В тени Первой мировой войны. Дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы. М.: Аспект-Пресс, 2021.

11. Маздур И. Британский империализм в Индии и подготовка интервенции против СССР. М.: Международный аграрный институт, 1933.

12. Наземцева Е.Н. Русская эмиграция в Сибирь (1920–1930-е гг.). М.: Нобель Пресс, 2013.

13. Обухов В.Г. Схватка шести империй. Битва за Сибирь. М.: Вече, 2007.

14. Остапенко Г.С., Прокопов А.Ю. Новейшая история Великобритании: XX — начало XXI века. М.: Вузовский учебник; ИНФРА-М, 2012.

15. Сагимбаев А.В. Колониальная политика Великобритании в межвоенный период: причины и особенности трансформации. М.: ЦИОГНИС, 2018.

16. Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012.

17. Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. СПб.: Наука, 2019.

18. Судейкин А.Г. Колониальная политика лейбористской партии Англии между двумя мировыми войнами. М.: Наука, 1976.

19. Тихонов Ю.Н. Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. М.: Эксмо; Яуза, 2008.

20. Тихонов Ю.Н. Политика великих держав в Афганистане и пуштунские племена (1919–1945). М.; Липецк: Информ, 2007.

21. Тихонов Ю.Н. Роль «Бухарского вопроса» при заключении советско-афганского «Договора о дружбе» 1921 г. // Новая и новейшая история. 2022. № 1. С. 151–163. DOI: 10.31857/S013038640018270-5.

22. Улуния А.А. Британское непризнание бухарской независимости в 1922 г.: оценки, прогнозы и механизм // Новая и новейшая история. 2022. № 1. С. 135–150. DOI: 10.31857/S013038640018264-8.

23. Южный К. Англо-персидские трения в Персидском заливе // Международная жизнь. 1928. № 7. С. 41–49.

24. Ashley W. The menace of communism // *English Review*. 1925. No. 12. P. 628–634.

25. Clayton A. *The British empire as a superpower, 1913–39*. Athens: The University of Georgia Press, 1986.

26. Fisher J. *The Interdepartmental Committee on Eastern Unrest and British responses to Bolshevik and other intrigues against the empire during the 1920s* // *Journal of Asian History*. 2000. Vol. 34. No. 1. P. 1–34.

27. Hillmer N. *The Foreign Office, the dominions and the diplomatic unity of the empire, 1925–29* // *Retreat from power. Studies in Britain's foreign policy of the twentieth century: In 2 vols. Vol. 1: 1906–1939* / Ed. by D. Dilks. London: Macmillan, 1981. P. 64–77.

28. Howe S. *Anticolonialism in British politics: The left and the end of empire, 1918–1964*. Oxford: Clarendon Press, 1993.

29. Hughes M. *British foreign secretaries in an uncertain world, 1919–1939*. Abingdon: Routledge, 2006.

30. Jeffery K. *The Eastern arc of empire: A strategic view, 1850–1950* // *Journal of Strategic Studies*. 1982. Vol. 5. No. 4. P. 531–545. DOI: 10.1080/01402398208437133.

31. Kapur H. *Soviet Russia and Asia, 1917–1927: A study of Soviet policy towards Turkey, Iran and Afghanistan*. Geneva: Graduate Institute of International Studies, 1966.

32. Meyer K.E., Brysac S.B. *Tournament of shadows. The Great Game and the race for empire in Asia*. London: Abacus, 2001.

33. Neilson K. *Britain, Soviet Russia and the collapse of the Versailles order, 1919–1939*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

34. Nyman L.-E. *Great Britain and Chinese, Russian and Japanese interests in Sinkiang, 1918–1934*. Stockholm; Goeteborg: Esselte studium, 1977.

35. Orde A. *Great Britain and international security, 1920–1926*. London: Royal Historical Society, 1978.

36. Overy R.J. *The origins of the Second World War*. London; New York: Longman, 1998.

37. Petrie D. *Communism in India, 1924–1927*. Calcutta: Editions Indian, 1972.

38. Samra C.S. *India and Anglo-Soviet relations, 1917–1947*. Bombay: Asia Publishing House, 1959.

39. Shepherd J. *A gentleman at the Foreign Office: Influences shaping Ramsay Macdonald's internationalism in 1924* // *The British Labour Party and the wider world* / Ed. by P. Cornthorn, J. Davis. London; New York: AAAI Press, 2008. P. 25–47.

40. Smith F.W.F. *The life of F.E. Smith, first earl of Birkenhead*. London: Eyre and Spottiswoode, 1959.

41. Spector I. The Soviet Union and the Muslim world 1917–1958. Seattle: University of Washington Press, 1959.

42. Sylvest C. A commanding group? Labour's advisory committee on international questions, 1918–1931 // Ed. by P. Cornthorn, J. Davis. The British Labour Party and the wider world. London; New York: AAAI Press, 2008. P. 48–63.

43. Thomas J.H. Labour and the empire // World Today. 1924. No. 5. P. 487–489.

44. Thorpe A. Introduction // The British Labour Party and the wider world / Ed. by P. Cornthorn, J. Davis. London; New York: AAAI Press, 2008. P. 1–24.

45. Toynbee A. Survey of international affairs. London: Oxford University Press; Humphrey Milford, 1928.

46. Warth R.D. Soviet Russia in world politics. New York: Twayne Publishers, 1983.

47. Watt D.C. Personalities and policies. Studies in the formation of British foreign policy in the twentieth century. London: Longmans, 1965.

REFERENCES

1. Abdullaev K.N. 2009. *Ot Sin'tszyana do Khorasana. Iz istorii sredneaziatskoi emigratsii XX veka* [From Xinjiang to Khorasan. From the history of Central Asian emigration of the 20th century]. Dushanbe, Irfon Publ. (In Russ.)

2. Airapetov O.R. 2020. *Vneshnyaya politika Sovetskoi Rossii i SSSR v 1920–1939 godakh i istoki Vtoroi mirovoi voiny* [Foreign policy of Soviet Russia and the USSR in 1920–1939 and the origins of the Second World War]. Moscow, Rodina Publ. (In Russ.)

3. Andreev A.I. 2006. *Tibet v politike tsarskoi, sovetskoi i postsovetskoi Rossii* [Tibet in the politics of Tsarist, Soviet and Post-Soviet Russia]. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, Izdatel'stvo A. Terent'eva 'Nartang' Publ. (In Russ.)

4. Barmin V.A. 1999. *Sovetskii Soyuz i Sin'tszyan 1918–1941 gg. Regional'nyi faktor vo vneshnei politike Sovetskogo Soyuza* [The Soviet Union and Xinjiang, 1918–1941. Regional factor in the foreign policy of the Soviet Union]. Barnaul, Izdatel'stvo BGPU Publ. (In Russ.)

5. Vertinskii A.V. 1986. Komissiya Saimona i bor'ba v politicheskikh krugakh Velikobritanii vokrug indiiiskoi konstitutsionnoi reformy (1927–1930 gg.) [The Simon commission and the struggle in the political circles of Great Britain over the Indian constitutional reform (1927–1930)]. In: Grigortsevich S.S. (ed.). *Iz istorii burzhuaznoi diplomatii i mezhimperialisticheskikh protivorechii v pervoi polovine XX v.* [From the history of bourgeois diplomacy and inter-imperialist contradictions in the first half of the twentieth century]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta Publ., pp. 57–73. (In Russ.)

6. Volodarskii M.I. 1985. *Sovety i ikh yuzhnye sosedi Iran i Afganistan (1917–1933)* [The USSR and its southern neighbors Iran and Afghanistan (1917–1933)]. London, Overseas Publications Interchange Ltd. (In Russ.)

7. Gus M.S. 1926. *Britanskii imperializm i Vostok* [British imperialism and the East]. Khar'kov, Ukrainskii rabochii Publ. (In Russ.)

8. Zhirova N.S. 2018. *Sotrudnichestvo indijskoi partii 'Gadar' s Kominternom (1922–1943)* [Cooperation of the Indian Ghadar Party with the Comintern (1922–1943)]. PhD Thesis. Lipetsk. (In Russ.)

9. Kapitonova N.K., Romanova E.V. 2016. *Istoriya vneshnei politiki Velikobritanii* [History of Great Britain's foreign policy]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)

10. Magadeev I.E. 2021. *V teni Pervoi mirovoi voiny. Dilemmy evropeiskoi bezopasnosti v 1920-e gody* [In the shade of the First World War. Dilemmas of European security in the 1920s]. Moscow, Aspekt-Press Publ. (In Russ.)

11. Mazdur I. 1933. *Britanskii imperializm v Indii i podgotovka interventsii protiv SSSR* [British imperialism in India and preparations for intervention in the USSR]. Moscow, Mezhdunarodnyi agrarnyi institut Publ. (In Russ.)

12. Nazemtseva E.N. 2013. *Russkaya emigratsiya v Sin'tszyane (1920–1930-e gg.)* [Russian emigration to Xinjiang (1920s–1930s)]. Moscow, Nobel' Press Publ. (In Russ.)

13. Obukhov V.G. 2007. *Skhvatka shesti imperii. Bitva za Sin'tszyan* [The battle of the six empires. In struggle for Xinjiang]. Moscow, Veche Publ.

14. Ostapenko G.S., Prokopov A.Yu. 2012. *Noveishaya istoriya Velikobritanii: XX — nachalo XXI veka* [Contemporary history of Great Britain in the 20th — at the beginning of the 21st century]. Moscow, Vuzovskii uchebnik, INFRA-M Publ. (In Russ.)

15. Sagimbaev A.V. 2018. *Kolonial'naya politika Velikobritanii v mezhoennoyi period: prichiny i osobennosti transformatsii* [The colonial policy of Great Britain in the interwar period: Causes and features of transformation]. Moscow, TsIOGNIS Publ. (In Russ.)

16. Sergeev E.Yu. 2012. *Bol'shaya igra, 1856–1907: mify i realii rossiisko-britanskikh otnoshenii v Tsentral'noi i Vostochnoi Azii* [The Great Game, 1856–1907: Myths and realities of Russian-British relations in Central and East Asia]. Moscow, Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK Publ. (In Russ.)

17. Sergeev E.Yu. 2019. *Bol'sheviki i anglichane. Sovetsko-britanskoe otnosheniya, 1918–1924 gg.: ot interventsii k priznaniyu* [The Bolsheviks and the British. Soviet-British relations, 1918–1924: From intervention to recognition]. Saint Petersburg, Nauka Publ. (In Russ.)

18. Sudeikin A.G. 1976. *Kolonial'naya politika leiboristskoi partii Anglii mezhdru dvumya mirovymi voynami* [Colonial policy of the British Labour Party between the two world wars]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

19. Tikhonov Yu.N. 2008. *Afganskaya voina Stalina. Bitva za Tsentral'nyuyu Aziyu* [Stalin's Afghan war. The battle for Central Asia]. Moscow, Eksmo, Yauza Publ. (In Russ.)

20. Tikhonov Yu.N. 2007. *Politika velikikh derzhav v Afganistane i pushtunskie plemena (1919–1945)* [The great power politics in Afghanistan and the Pashtun tribes (1919–1945)]. Moscow, Lipetsk, Inform Publ. (In Russ.)

21. Tikhonov Yu.N. 2022. Rol' 'Bukharskogo voprosa' pri zaklyuchenii sovetско-afganskogo 'Dogovora o druzhbe' 1921 g. [The role of the 'Bukhara question' in the conclusion of the Soviet-Afghan 'Treaty of Friendship' of 1921]. *Modern and Contemporary History*, no. 1, pp. 151–163. DOI: 10.31857/S013038640018270-5. (In Russ.)

22. Ulunyan A.A. 2022. Britanskoe nepriznanie bukharskoi nezavisimosti v 1922 g.: otsenki, prognozy i mekhanizm [The British non-recognition of Bukhara's independence in 1922: Assessments, forecasts, and mechanism]. *Modern and Contemporary History*, no. 1, pp. 135–150. DOI: 10.31857/S013038640018264-8. (In Russ.)

23. Yuzhnyi K. 1928. Anglo-persidskie treniya v Persidskom zalive [Anglo-Persian tensions in the Persian Gulf]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, no. 7, pp. 41–49. (In Russ.)

24. Ashley W. 1925. The menace of communism. *English Review*, no. 12, pp. 628–634.

25. Clayton A. 1986. *The British empire as a superpower, 1913–39*. Athens, The University of Georgia Press.

26. Fisher J. 2000. The Interdepartmental Committee on Eastern Unrest and British responses to Bolshevik and other intrigues against the empire during the 1920s. *Journal of Asian History*, vol. 34, no. 1, pp. 1–34.

27. Hillmer N. 1981. The Foreign Office, the dominions and the diplomatic unity of the empire, 1925–29. In: Dilks D. (ed.). *Retreat from power. Studies in Britain's foreign policy of the twentieth century. In 2 vols. Vol. 1: 1906–1939*. London, Macmillan, pp. 64–77.

28. Howe S. 1993. *Anticolonialism in British politics: The left and the end of empire, 1918–1964*. Oxford, Clarendon Press.

29. Hughes M. 2006. *British foreign secretaries in an uncertain world, 1919–1939*. Abingdon, Routledge.

30. Jeffery K. 1982. The Eastern arc of empire: A strategic view, 1850–1950. *Journal of Strategic Studies*, vol. 5, no. 4, pp. 531–545. DOI: 10.1080/01402398208437133.

31. Kapur H. 1966. *Soviet Russia and Asia, 1917–1927: A study of Soviet policy towards Turkey, Iran and Afghanistan*. Geneva, Graduate Institute of International Studies.

32. Meyer K.E., Brysac S.B. 2001. *Tournament of shadows. The Great Game and the race for empire in Asia*. London, Abacus.

33. Neilson K. 2006. *Britain, Soviet Russia and the collapse of the Versailles order, 1919–1939*. Cambridge, Cambridge University Press.
34. Nyman L.-E. 1977. *Great Britain and Chinese, Russian and Japanese interests in Sinkiang, 1918–1934*. Stockholm, Goeteborg, Esselte Studium.
35. Orde A. 1978. *Great Britain and international security, 1920–1926*. London, Royal Historical Society.
36. Overy R.J. 1998. *The origins of the Second World War*. London, New York, Longman.
37. Petrie D. 1972. *Communism in India, 1924–1927*. Calcutta, Editions Indian.
38. Samra C.S. 1959. *India and Anglo-Soviet relations, 1917–1947*. Bombay, Asia Publishing House.
39. Shepherd J. 2008. A gentleman at the Foreign Office: Influences shaping Ramsay Macdonald's internationalism in 1924. In: Conrthorn P., Davis J. (eds.). *The British Labour Party and the wider world*. London, New York, AAAI Press, pp. 25–47.
40. Smith F.W.F. 1959. *The life of F.E. Smith, first earl of Birkenhead*. London, Eyre and Spottiswoode.
41. Spector I. 1959. *The Soviet Union and the Muslim world 1917–1958*. Seattle, University of Washington Press.
42. Sylvest C. 2008. A commanding group? Labour's advisory committee on international questions, 1918–1931. In: Conrthorn P., Davis J. (eds.). *The British Labour Party and the wider world*. London, New York, AAAI Press, pp. 48–63.
43. Thomas J.H. 1924. Labour and the empire. *World Today*, no. 5, pp. 487–489.
44. Thorpe A. 2008. Introduction. In: Conrthorn P., Davis J. (eds.). *The British Labour Party and the wider world*. London, New York, AAAI Press, pp. 1–24.
45. Toynbee A. 1928. *Survey of international affairs*. London, Oxford University Press, Humphrey Milford.
46. Warth R.D. 1983. *Soviet Russia in world politics*. New York, Twayne Publishers.
47. Watt D.C. 1965. *Personalities and policies. Studies in the formation of British foreign policy in the twentieth century*. London, Longmans.

Статья поступила в редакцию 26.07.2023; одобрена после рецензирования 03.09.2023; принята к публикации 21.10.2023

The paper was submitted 26.07.2023; approved after reviewing 03.09.2023; accepted for publication 21.10.2023